

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

**В УСАДЬБЕ
ПОМЕЩИЦЫ
ЯРЫЩЕВОЙ**

**Николай Георгиевич Гарин-
Михайловский**
**В усадьбе помещицы
Ярыщевой**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622285

Аннотация

«Воскресный летний день собирался быть особенно жарким. Солнце как-то сразу показалось на безоблачном небе и скучно, без предрассветной прохлады, уставилось в оголённые берега большой извилистой речки...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Гарин- Михайловский

В усадьбе помещицы Ярыщевой

I

Воскресный летний день собирался быть особенно жарким. Солнце как-то сразу показалось на безоблачном небе и скучно, без предрассветной прохлады, уставилось в оголённые берега большой извилистой речки. Там, выше речки, раскинулось большое торговое село, грязное и серое, под цвет остальной округи.

У базарных лавок сидели и стояли толпы жнецов из татар в ожидании найма.

Это был первый базар и первая наёмка на жнитво в это лето. Урожай был хороший, и цены на работы ожидались высокие. На площади показался, приседа и смешно оглядываясь, словно за ним гнались, Кирилл Архипович, приказчик одной маленькой экономии барыни Наталии Ивановны Ярыщевой. Опросил цены на жнитво и, услышав про пятнадцать рублей, убежал без оглядки. Татары-жнецы проводили его с

базара свистками, улюлюканьем и смехом. Кирилл Архипович, с мягкой курчавой бородой, с громадной лысой головой и мелкими чертами лица, прибежал сам не свой на двор, куда заехал было, и обратился к хозяину, хлопнув руками:

– Беда! Пятнадцать рублей.

Хозяин двора катил в это время бадью по двору и, оставившись, равнодушно ответил:

– Вот как хлещут!

– Чего ж теперь делать? – спросил приказчик.

– И не знаю.

– Ехать надо домой, – вздохнул приказчик.

Крестьянин покатил бадью дальше под навес.

– Аль раздумали орать?

– Да как брать-то? – Кирилл Архипович почесал затылок. – И не соображусь теперь... Жать двадцать десятин, а всех денег сто двадцать рублей всего-то у нас: половину не сожнёшь на эти деньги.

– Не сожнёшь поэтому.

– А, ведь, поколь жнёшь, да когда ещё молотить там, да в город продавать, а их рассчитывать надо: ждать не станут.

– Не станут.

– Ах, ты грех! Ехать надо посоветоваться... Думал пораньше выбегу на базар, поколь цена не разыгралась, а вот...

– Дешевле не будет нынче...

– Ехать надо...

Кирилл Архипович ещё поохал и стал запрягать. Запряг,

рассчитался, попрощался, сказав с каким-то придыханием: «Ах, ну до увиданья», сделал с обычным приседанием ещё для чего-то круг возле своей плетушки, уселся и тронул.

Он уже проехал почти всю улицу, всё смотря куда-то в сторону, как вдруг воскликнул, освобождаясь от задумчивости:

– Ах, кулёк-то!

Он внимательно осмотрел сиденье, заглянул под козлы, приподнял тонкий слой находившегося в плетушке сена, но кулёк нигде не оказалось. Кирилл Архипович ещё нерешительнее несколько раз оглянулся, вероятно, в надежде, не догадается ли сам кулёк прибежать к нему, но, не дождавшись, вдруг засуетился и поворотил назад.

Хозяин квартиры, увидев его, отворил ворота, и Кирилл Архипович въехал опять во двор.

– Здравствуйте опять, – сказал он растерянно, сойдя с плетушки.

– Здравствуйте и вы, – ответил равнодушно крестьянин.

Кирилл Архипович снова поздоровался с ним, а также с вышедшей хозяйкой. На мгновение он замер в сладостной истоме и сообщил:

– А я, ведь, кулёк-то забыл. Гляжу, где он? Ах, назад ехать надо!

– Недалеко пахнулись ещё...

– Не далеко... вот тут на углу – против лавки... Как его?

– Аксёнова?

– Она... Гляжу: нет кулька... Ах, ты грех! – Кирилл Архипович постоял ещё, подумал, покачал головой и, приседая, пошёл в избу за кульком.

– А я тоже гляжу на кулёк, – провожала его хозяйка, – думаю, что он, мол, оставил его? Мне бы скричать, а я, вишь, не смекнула тоже...

– И я тоже не догадался... Ну, до увиданья ещё раз.

И ещё раз попрощавшись с хозяйкой, Кирилл Архипович с кульком в руках вышел из избы во двор.

– Ах... не надо бы заезжать было во двор, – спохватился он.

– Поэтому не надо бы, – согласился и хозяин, – я гляжу, едете, ну отворил ворота.

– Я ведь только вот за кульком...

– Известно, не оставлять же...

– Как же теперь? Не поворотишься ведь... выпрягать?

– Не знаю... Так, что ль, попробовать? Айда-те так попробуем. Я лошадь заводить стану, а вы задок-то относите.

Общими усилиями дело обошлось без перепряжки и, повернув лошадь, приказчик барыни Ярыщевой покатыл, наконец, с базара, сопровождаемый напутствием хозяина: «Ну с Богом!»

Кирилл Архипович, склонившись на бок, ехал и ломал голову, как ему быть. По пятнадцати рублей – двадцать десятин обойдутся триста рублей. Ста восьмидесяти не хватит. Главное то, что сам же он и подбил свою барыню усилить-

ся посевом на эти лишние двадцать десятин. Обыкновенный порядок в имении был таков, что в экономии сеялось столько, сколько можно было урвать, так сказать, не в счёт, без денег. Сдаётся, например, крестьянину десятина земли под посев; цена – как у людей, а один рабочий день выговаривается не в счёт. Одну десятину взял – пеший рабочий, две – с лошадьё. Часть земли снимала своя деревня и не в счёт убирала пять десятин.

Конечно, это было немного, но и деревня барыни только и жила тем, что занималась нищенством. Так и в земской статистике в рубрике промыслов она значилась: «занимается нищенством». Как дадут повестку, чтобы подать взносили, и разбредётся деревня. Насобирает и внесёт. И всегда исправно. За эту исправность и заботливость и местное начальство уважало деревню и задолго обыкновенно до сбора её первую извещало: готовьтесь, дескать.

– Что ж и умно, – говорила про крестьян своей деревни старая барыня, – сами видят свою слабость и спасаются... А другой ведь только и догадается, что в кабак последнее снести.

Но зато, когда её крестьяне попробовали было поторговаться с ней насчёт дарового посева, она ответила:

– Ну, уж, батюшки, кому другому, а уж вам-то не грех и потрудиться на меня старуху: за вас люди подать-то платят...

– Нынче где уж? – говорили крестьяне. – Действительно, значит, когда цена живёт на хлеб, так будто и ладно, а теперь

ничего не стоит хоть и наше дело: день-деньской маешься, плечи от тяготы оборвёшь, хлеб собираючи, а продай его, и гривенника не выручишь за день.

В нынешнем урожайном году промысел крестьян барыни Ярыщевой, действительно, был не из очень доходных.

Крестьяне других деревень, видя, как трудятся нищие, только лукаво подмигивали на них и говорили:

– Обижаются же... в убыток работа приходит.

Жалела и барыня Ярыщева крестьян своей деревни:

– Нынче уж, конечно, не ваш год, – говорила она, – ну так, ведь, надо же и людям.

– Известно, – вздыхали покорно нищие.

В общем дарового посева у барыни Ярыщевой набиралось десятин до тридцати. Сенокос ли продавался, лес ли, во всём было установлено правило вырядить не в счёт известное количество работников. Конечно, крестьяне-арендаторы торговались, но старушка-помещица добродушно уговаривала и шамкала своим беззубым широким ртом:

– И-и, батюшка мой! что тебе услужить старухе? Доходов у меня мало, а расходов-то выше головы... Сам знаешь, ведь, батюшка.

– Известно.

– Я сама, ведь, ваш хлеб, да щи только и ем... Не мотушая, не картёжница...

– Спаси, Господь...

– Только что вот внуки... Ну, так ведь, батюшка, и их без

образования нельзя оставить... И им ведь расхода больше моего ещё будет.

– Как можно...

– Ну, так вот, батюшка, и сам видишь... У меня же и тихо, спокойно: чтоб вот тебе я сдала землю, а там другому передала, – вон как у панков, – у меня этого нет, батюшка. У меня как в амбаре – всё в сохранности.

– Что говорить! Из-за этого уж, прямо сказать, и платим будто лишки.

– Так не жалея, батюшка, не жалея... Земля моя хорошая, дай тебе Бог засыпаться хлебом от моей земли.

И видя, что крестьянин убеждается, старуха спрашивала:

– Ну, что ж, надумался?

– Да видно... Что же станешь делать?

– Ну и с Богом... А вот, не дай Бог, лихоманка тебя схватит, или живот, – приходи, батюшка... Приходи – безо всякого.

– Спасибо...

– Ну, спасибо, батюшка, и тебе, я за тебя Богу помолюсь... Что тебе день? Ты – день, другой – день, а мне старухе помощь. С миру по нитке – голому рубашка. Я, батюшка, прямо... Мне что таяться? Что было вот наследственного, то ведь и осталось... А от мужа да зятя долги одни остались... Все, батюшка, сплатила, все – до копейки! Внучатам-то, – старуха радостно понижала голос, – чистенькое, как яичко облупленное, достанется именье-то.

– Ну, до увиданья, Наталья Ивановна, – подымался со стула крестьянин.

– Ну, прощай, батюшка, прощай...

Барыня жала руку и провожала гостя.

– Хоть уж дорого, да уважительная, – говорили окружные крестьяне. И если спрашивали их: «что за человек барыня Ярыщева?» – отвечали в один голос: – «Одно слово – не было такой и не будет... Уважительная барыня!»...

А Кирилл Архипович всё подвигался с базара ближе к усадьбе и всё думал. Уже показалась церковь соседнего села Дмитриевского, когда вдруг в его голове мелькнула счастливая мысль. В Дмитриевском он повернул свою невзрачную лошадёнку в ту улицу, где жил староста Матвей Фёдорович, и остановился у ворот просторной в три окна срубленной избы. Изба и все постройки на дворе имели аккуратный вид той зажиточности, при которой как-то само собой хозяин не ленится и гнилое бревно своевременно заменить новым, и свежей соломой крышу укрыть, а то заменить эту опасную крышу и глиняной, которая не вспыхнет, как костёр, от одной случайной искры.

Был праздник, и хозяин избы собирался в церковь. В ожидании благовеста, староста, в новой синего сукна поддёвке, ходил по двору и заглядывал от нечего делать то в тот, то в другой угол своего двора.

– Ах, здравствуйте, – приветствовал его с своим обычным растерянным видом Кирилл Архипович, появляясь в калит-

ке, – а я ведь к вам.

Матвей Фёдорович видел и сам, что приказчик приехал к нему, и в это мгновение его занимал лишь вопрос: насчёт чего мог бы приехать этот приказчик?

– Заходите, – флегматично пригласил староста.

– А я ведь на лошади.

– Ну, так что? Во двор заезжайте, а то так привязать можно.

– Так привязать, что ль? не уйдёт, чать.

– Куда ей уйти? не рысак.

– Какой рысак!

Кирилл Архипович вернулся к лошади, а за ним вышел на улицу и хозяин. Пока приказчик привязывал лошадь, хозяин неопределённо глядел на его немудрую плетушку, немудрую запряжку, немудрую лошадь.

Кончив, Кирилл Архипович облегчённо произнёс:

– Ах, ну здравствуйте ещё раз...

– Здравствуйте и вы. В избу, что ль, пойдёте?

– В избу, Матвей Фёдорович.

В избе Кирилл Архипович поздоровался с хозяйкой и, присев на лавку, стал беспомощно вытирать пот с своего высокого лба.

– Выйди-ка на часок, – бросил мимоходом хозяин жене, и, когда та вышла, Матвей Фёдорович плотно притворил дверь, подсел к приказчику и прямо подошёл к делу:

– Вы насчёт чего же это?

– Да вот посоветоваться заехал, Матвей Фёдорович... Такое дело, такое дело, что и не придумаю.

И Кирилл Архипович рассказал в чём дело.

– Гм! – пропустил в нос староста.

– Я вот что надумал... Уж Бог с ней с ценой... 12 рублей на базаре просят, ну и мы от людей никуда не денемся. Нынче вот праздник, народ пока свой хлеб не зажал... чать, не зажал.

– Нет, не зажал.

– Чтоб нынче миром бы к нам? Половину денег на руки, а половину до продажи.

– Не сообразишь ведь всех, – нехотя и лениво ответил староста.

– О?

– Мир.

– Да, вот мир разве...

Кирилл Архипович вздохнул и замолчал. Молчал и староста.

– А то нельзя ли как-нибудь, Матвей Фёдорович?

– Да ведь я-то что тут? Главное дело, больно вы уж с вашей барыней работой облагаете: обижаются ведь некоторые...

– Так ведь, Матвей Фёдорович, против людей и спокой у нас...

– Это так, за это спасибо, а вот лишечки-то: всё будто так...

– По настоящему и сеять-то бы нынешним временем не

след, – вильнул Кирилл Архипович.

– Да где уж вам сеять? Тут своя крестьянская работа отбивается...

– Этак, Матвей Фёдорович... Да нет, видно, бросить же надо.

– Ну, там картошку для домашности, а то что ж выкручивать...

– Да я уж и сам не рад, – сокрушённо вздохнул Кирилл Архипович, – главная сила толков нет...

– То-то толков нет, а склоки много...

Староста помолчал и начал другим тоном:

– Вы что нынче за Караульной горой продавать же станете землю?

– Станем.

– То-то... Уросла, чать? Который год в сенокосе теперь лежит она?

– Да что? Никак семь лет.

– Девятый, чать, пошёл?

– Аль девятый?

– Гляди... Лес на амбар когда возили? В тот же год и землю бросили. Считай...

– Так, так.

– То-то... Уросла чать?

– Когда не уросла.

– Глядел я как-то, ехал: щётка пробила... Сдавать станете, и я бы взял десятинку-другую от лесу... от пчельника...

– Так что... Уладь дело, – не постоим, Матвей Фёдорович...

– Я вот что думаю... Церковь нам надо же новить, – рублей сто с миру сойдёт... Если вот присогласить старичков сегодня после обедни. Дескать, половину на руки, а остальную, чтоб вам прямо за мир в церковь внести. До вечера бы и кончили.

Кирилл Архипович даже привскочил.

– Так что? Матвей Фёдорович! А мы бы тебе постарались... Уж прямо так бы за тобой и земля осталась... от пчельника.

– Этак, что ль, попытать, – задумчиво говорил староста, – вот обедня отойдёт, соберём стариков. Так, что ль? Поэтому лошадку заводи во двор... да дай уж овсеца... А мы в церковь... Вернёмся, самоварчик изготовим, – чашечку-другую, поколь сходка собирается. Овса дать, что ли?

– Овёс-то у нас свой, да вот вышел...

– Дадим...

Лошадь завели во двор, поставили к овсу, и так как раздался уже благовест, то оба, и хозяин, и гость, пошли к обедне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.